

Андрей Владимирович Смирнов
Ураган
Серия «Кельрион»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159226
А.Смирнов Ураган: Лениздат; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-289-02492-1*

Аннотация

«... Ноэс явственно ощущает ужас, испытываемый его кораблем – ужас, переплетающийся с его собственным ужасом, и отчаянье, и нежелание умирать – все точь-в-точь так же, как у человека. Потом эта мысль исчезает: капитан видит волшебника, поднимающего над головой руки, и свет, который исходит из его ладоней и светящимся коконом окутывает корабль – в то время как собственное серебристое пламя, окружающее волшебника, на миг угасает – чтобы, впрочем, в следующий миг разгореться с новой силой.

Корабль закрыт. Визг сменяется оглушающей тишиной, и стены света хранят взгляды людей от ужасов мрака, бурлящего вокруг шхуны... Но тишина длится лишь секунду или две, не больше.

Тишина взрывается воем; капитан смотрит вверх, и видит, как рвется светлая оболочка, закрывающая корабль, рвется в точности над колдуном, и чернота, подобно хищному зверю, добравшемуся до вожаемой добычи, заглядывает в образовавшуюся дыру, а потом сверху падает ветер, сгущенный почти до твердого состояния, и опускается на колдуна, и хотя визг бури перекрывает все звуки, капитан отчетливо слышит хруст и чавканье, когда от колдуна остается одно лишь кровавое месиво. ...»

Содержание

1	4
2	9
3	18
4	23
5	28
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Смирнов

Ураган

*Через сорок тысяч лет скитаний
Возвращался ветер к старой маме....
«Агата Кристи»*

1

...Уже отужинали, уже Элиза помогла ей раздеться, и, поправив одеяло, поцеловав в лоб и пожелав спокойной ночи, ушла, уже было слышно, как за окном тишина объяла поселок, как утихли последние полупьяные голоса, перемешанные с музыкой и смехом (сегодня в доме Кларина праздник, справили свадьбу его среднего сына), а Лия все ждала, когда же темнота, наконец, расступится и краски вернутся в ее мир. В мир, с детства заполненный только звуками, запахами и ощущениями...

...Станет светлым-светло, и Лии не будет там, где дрожит на ветру старый дом, где под босыми ногами скрипят половицы, где мать ласково проводит рукой по ее волосам, где гуляют сквозняки, а из кухни пахнет теплом, луком и просяной кашей... Где мяукает Рыжик, когда трется о ее ноги, где из полуоткрытого окна часто долетают обрывки чужих песен и лоскутки чужих бесед и слов, где бесконечными ночами не слышно ничего, кроме ветра, терзающего древесные кроны...

Хорошо, что *это* не случилось с ней за ужином или чуть позже, когда Элиза, обеспокоенная мнимым недомоганием своей приемной дочери, поднялась с ней наверх. Лия терпеливо выслушала все ее вопросы, и, отвечая на них, старалась, чтобы голос звучал естественно и непринужденно. Нельзя было дать понять матери, что Лия с нетерпением ждет, когда Элиза оставит ее одну, как невозможно было и объяснить, почему она сбежала от беседы, обычно следовавшей за ужином. Лия всегда любила это время, любила неторопливый размеренный голос Элизы, рассказывавшей, где она была и что видела за прошедший день, любила тепло и умиротворение, и пересказ редких сплетен, и сказок, и историй, которые она знала уже наизусть. Но сегодня нельзя было медлить, требовалось как можно скорее остаться одной, и она без всякого сожаления отказалась от общения с Элизой, по сути – от единственного ее развлечения в эти долгие, скучные летние дни, заполненные лишь ее собственным одиночеством... Хотя Элиза и не являлась ее родной матерью, Лия не знала другую: всю жизнь, сколько себя помнила, она провела в этом большом ветхом доме, под присмотром прекрасной, удивительной, доброй и терпеливой женщины. Поэтому Лия не хотела ее снова пугать – так, как напугала полтора года назад, в такой же тихий и умиротворенный вечер. Тогда за окном мели метели, и *это* пришло неожиданно и властно, и Лия даже не успела заметить, как перестала сидеть близ натопленной печи и слушать голоса выюг и морозов, норовивших через щели пробраться внутрь изгрызенного временем дома, прогнать тепло и заставить умолкнуть двух женщин, беседовавших у огня... Миг – и ничего не стало; привычные звуки, привычные запахи, привычная беспроглядная темнота, привычный голос Элизы – все это уступило место водопаду цветов и красок, и мир заполнился странными предметами, которых она не слышала, не чувствовала, не касалась руками, но которые воспринимала так же отчетливо, как и себя саму (возможно, даже более отчетливо – ведь в этот миг она забыла о себе), и предметы в этом огромном, волнующем мире отличались друг от друга, и так было потому, что они были разными не только по форме, но и по цвету. Больше всего было того цвета, который Лия втайне про себя решила считать голубым – она знала

со слов Элизы, что этот цвет имеет чистое от облаков дневное небо. Она смутно помнила, что сейчас – поздний зимний вечер, а значит – небо не может быть голубым, оно должно быть черным, и тот цвет, который она видит, скорее всего, не голубой, а называется как-то иначе, но рядом не было никого, кто мог бы ее одернуть и сказать: «Ты говоришь неправильно», поэтому она начала называть цвета и краски так, как хотела. Место, где она очутилась, показалось ей похожим на высокий полог, раскинутый над извилистыми коридорами, и она бежала над ними, по узким тропкам, которыми стали для нее вершины стен лабиринта, а иногда оказывалась внизу, внутри, в загадочном дворце с прозрачными серо-голубыми стенами и стеклянными колоннами, наполненными жидким серебряным огнем. Теперь это место было ей хорошо знакомо – всегда, или почти всегда, когда к ней приходило *виденье*, именно отсюда она начинала свое путешествие. Узкие коридоры с множеством острых углов, ложных тупиков и головокружительных поворотов рано или поздно заканчивались, и за черной бронзовой аркой простирались ветра, и волны, деревья и замки, и облака, и острова, и скалы, и лестницы, сотканые из солнечного света, и большие добрые звери, живущие в изумрудных лесах, и живые, светящиеся, как слезы, красивые драгоценные камни. Она шагала за порог изогнутого, перекрученного призрачного дома, и поднималась в небо, чтобы сверху, с вершин облаков полюбоваться подаренным ей миром, и выбрать то новое место, которое посетит на этот раз.

Но в тот зимний вечер ее путешествие закончилось, так и не начавшись. Элиза и понятия не имела о том, какие волшебные страны открываются сейчас перед ее дочерью: она приняла посетившее Лию *виденье* за обморок или припадок. Элиза перепугалась до смерти за свою дочурку, и, бросившись к ней, стала хлопать ее по щекам, поливать холодной водой, тормошить, плакать и звать по имени – и прошло не так уж много времени, как Лия снова «вернулась к реальной жизни». К привычным запахам, к привычным материнским заботам и привычной всепоглощающей темноте.

Лия знала, что объяснить матери, что с ней происходит там, где нет ни тела, приковывающего ее к земле, ни тьмы, сужающей ее мир до пределов того, что она может ощутить или услышать, рассказать, что происходит там, где она – это уже не совсем она, а ветер и свет — все равно невозможно. Лия не смогла бы подобрать слов, краски блекли и перемешивались, а она не могла остановить их, задержать, не дать им уйти, воспоминания тускнели и обманывали ее. В результате от всей этой безысходности она горько разрыдалась на груди у матери. Элиза обняла ее, и гладила по длинным, рассыпающимся по плечам соломенным волосам, и говорила: «Бедная моя девочка, что же это еще с тобой такое...», жалея Лию и думая, что та плачет из-за припадка, который вымотал ее, выжал из нее все силы – и она была права, потому что в каком-то смысле именно так все и было...

С тех пор Лия замирала от ужаса, если приближающееся *виденье* грозило унести ее в страну красок и света в середине дня. Такое, впрочем, случалось нечасто, обычно *виденье* приходило ночью, переплетаясь под утро с яркими сумбурными снами. И все же за эти полтора года два раза ей не удалось уберечься, и Элиза, каждый раз беспокоясь и пугаясь все больше, старалась побыстрее привести ее в чувство – и, к сожалению, преуспевала в этом. Океаны света, острова и чужедальные страны оставляли ее и исчезали, и это казалось Лие вдвойне обидным потому, что *виденья* посещали ее не так уж часто, раз в пять-шесть недель, а иногда – и того реже. Обычно она еще за несколько часов чувствовала приближение очередного «приступа», и даже усилием воли могла задержать его – если это было совсем необходимо, как, например, сегодня. Но иногда *виденье* уносило ее с собой так стремительно, так неотвратно и быстро, что ни о каком сопротивлении даже речи идти не могло.

Лия еще долго лежала без сна. На волшебную дорогу в страну цветов она вступила только на исходе ночи, когда уже стала засыпать, и, как всегда между сном и сном, это *виде-*

нее было отрывочным, смазанным, состоящим из нескольких, не связанных между собой картинок и сцен. Она парила над замком, выбеленным лучами полуденного солнца, но не пожелала спускаться вниз, обратилась лицом к небу и ветру и позволила *виденью* нести себя по хрустальной дороге меж облаков, плывущих над морем. Замок остался позади, но и облака, и дорога скоро перестали интересовать ее, потому что она увидела, как к острову подходит парусное судно. Невидимкой вступила она на борт корабля, но рассмотреть людей ей почти не удалось – корабль, от мачты до кормы, казался окутанным мутным туманным облаком, искажавшим цвета и звуки. Разочаровавшись, она долго парила над морем, а потом еще неслась над волнами наперегонки с чайками и дельфинами. В конце путешествия она посетила безлюдный остров, скрытый темными дремучими лесами; из середины острова вырастали высокие изломанные горы, подножья которых всегда опоясывал туман, мешающий ей видеть... Она посещала этот остров уже не в первый раз, но он снова и снова притягивал ее, как притягивает все таинственное, загадочное и безмолвное. Остров был потрясающе красив. Шум или людская суeta не достигали его берегов и никогда моряки не пополняли здесь запасов воды или пищи. Здесь не дрались из-за добычи чайки, не резали слух громкие голоса людей или животных, не перешептывались облака и деревья. Звон ручьев и птичий щебет слышались едва-едва, и казалось, что в любое мгновение могут смолкнуть и эти тихие, робкие звуки, не смея больше тревожить вековечный покой Безмолвного Острова – так Лия назвала это удивительное место.

Она неслышно скользила между корявыми стволами деревьев, дотрагивалась до шершавой коры, пила густой, переполненный влагой воздух, щурилась на солнце, изредка проглядывавшее сквозь витражи ветвей, улыбалась и шла дальше. Ласкаясь, дикие звери подходили к ней, и волк неспешно трусил рядом с вепрем и ланью – но это не казалось Лие чем-то удивительным. Она рассеянно гладила животных и шла дальше. Лия знала, что в центре острова, вблизи скал, в полосе тумана простирается...

* * *

...Элиза мешала тесто, когда слышались шаги на лестнице. Повернув голову, она увидела, как ее приемная дочь, держась за перила, осторожно спускается вниз. На Лие было длинное, до пят, голубое платье – старое, и по большей части выцветшее, оно, тем не менее, не скрывало, а, наоборот, подчеркивало высокую грудь и стройную девичью фигуру Лии. Лия улыбалась – и Элиза, забыв о том, что дочь не сможет ее увидеть, улыбнулась ей в ответ.

– Доброе утро, мама, – сказала Лия, сходя с лестницы и безошибочно поворачивая голову в сторону Элизы – как и все слепые, она обладала великолепным слухом.

– Доброе утро. Как ты себя чувствуешь?

Лия рассеянно кивнула.

– Хорошо. Мне хорошо.

– Ну, и слава Джордаису, дочка... Вчера в доме Кларина, – поспешила Элиза поделиться новостями, – драка была. Говорят, с поножовщиной даже. Хорошо, выходит, что я вчера туда не пошла... Уберег Господь...

– Поножовщина? – удивилась Лия. – На свадьбе?

– На свадьбе. Потом уж, как веселье закончилось, молодые к себе ушли, гостей по лавкам разместили, а вот кое-кого из дружков Гернутовских Кларин на сеновал спать отправил...

Гернут – так звали жениха. Здоровенный бездельник, он вечно ошивался в компании таких же, как он, обалдуев, просяживая денежки в многочисленных трактирах и кабаках, располагавшихся вдоль Восточного Тракта, а иногда, если не было денег, вместе с дружками подкарауливал на дороге случайных путников. Путников раздевали, их вещи продавали, а

деньги тут же тратились на вино и на гулящих девок. Во время последней облавы, случившейся несколько месяцев назад, в числе прочих пойманных оказался и Гернут – и отцу чудом удалось избавить его от каторги. Никому не известно, сколько именно он заплатил бальи за помилование сына, зато было известно, что бальи, отпуская Гернута «в виду его молодости, а также учитывая доброе имя его семьи и надеясь, что...» – и т. п., и т. д., тем не менее, предупредил, что это помилование – не только первое, но и последнее: если Гернут попадется на грабеже еще раз, каторги ему не миновать. Говорят, что придя домой, Кларин жестоко избил сына, как бы возмещая таким образом все годы, когда воспитание Гернута было «запущено». В последующие месяцы Гернута не видели ни в кабаках, ни у гулящих девок – он исправно, от зари до зари, трудился в поле вместе с отцом и братьями, но едва ли можно было бы в эти дни прочесть на его лице радость. Он работал, потому что ему не оставили выбора. Отец теперь держал его в ежовых рукавицах – и выпускать, похоже, не собирался. Чтобы окончательно наставить сына на путь истинный, Кларин едва ли не насильно заставил его жениться. Жену для сына он подыскал подходящую – не очень красивую, но и не уродливую, не из богатой семьи, но и не из бедной, крепко сбитую, трудолюбивую, с властным характером – как раз такую, какая, по мнению Кларина, должна была сделать из его непутевого сына нормального человека. О любви не шло и речи, и девушка также явно не пребывала в восторге от своего жениха, но пока держала язычок за зубами. Породниться с одной из самых богатых семей в округе – удача, от которой глупо отказываться; она понимала, что вряд ли сможет рассчитывать на лучшую партию. Стерпится – слюбится. Конечно, в свое время она мечтала совсем не об этом. Как и всем ее подругам, ей снились молодые аристократы, сыновья графов или даже принцы... Но, подобно большинству своих подруг, будущая жена Гернута умела не только мечтать, но и трезво смотреть на вещи. И она, как и Кларин, нимало не сомневалась в том, что со временем сумеет сделать из своего мужа хорошего семьянина.

Вскоре после помолвки Гернут сумел ускользнуть из дома – в виду близящейся свадьбы ему позволили устроить себе последний в этой жизни выходной. В кабаке с горя он напился со своими друзьями – с теми, кого не замели во время облавы. Тогда же, по пьяни, забыв про страх перед отцом, Гернут пригласил их на свадьбу. Кларин и в самом деле не обрадовался, когда увидел, какие гости заявили на порог его дома. Но, решив не омрачать праздника, он отложил выяснение отношений с сыном до завтрашнего дня, и гнать незваных гостей не стал... И, как оказалось – зря.

– ...и, говорят, лиходеи эти, – продолжала Элиза, – стали, значит, Февлушку к себе зазывать, а когда та не пошла – силой потащили. Она – кричать. Тут ее отец с братом выскочили, ну и ушибли там кого... вроде. А те, значит, за ножи взялись. Но тут уж прочие гости подоспели, помогли... насилу их растащили. Ставла, говорят, порезали... Ох, и устроит же теперь Кларин жизнь своему сынку медовую... ох, устроит!..

Февла, как и отец ее, и брат, были работниками Кларина и обитали в его доме. Ставл когда-то был моряком, но потом, когда умерла его жена, пошел в батраки. Вторым раз он так и не женился. Его сын, здоровенный детинушка – кровь с молоком – вот уже второй год собирался завербоваться в солдаты, но Ставл каждый раз отговаривал его. Ставлова дочка, Февла – худощавая, угловатая, с рябым лицом – давно засиделась в девицах. Польститься на нее можно было только в густых сумерках и только как следует набравшись...

– Надо бы заглянуть туда сегодня, – вслух размышляла старуха. – Расспросить толком, что да как... Ну, и на невесту глянуть: хороша ли? А то Улькира и рассказать мне толком ничего не успела. Самой надо посмотреть – любопытно, ужас!.. Да и молодых поздравить...

Улькирой звалась одна из тех немногих женщин, которых связывали с Элизой почти дружеские отношения. В деревне Элизу не любили, хотя относились терпимо. Их с Лией дом стоял на отшибе, они были бедны, в то время как большинство селян пребывали если не в

достатке, то, по крайней мере, не испытывали постоянной нужды в куске хлеба. Жизнь этих двух женщин мало кого интересовала: Элиза Хенброк – седая старуха с темным прошлым, а Лия – слепая, молчаливая и замкнутая девушка. У нее была стройная фигура, но ее лицо, обезображенное застарелыми шрамами, никто бы не назвал красивым.

– Собираешься что-то печь? – спросила Лия.

– Да. Вот, думаю, испеку-ка я хлебца... Давно мы с тобой, дочка, теплого хлебца не кушали...

– Мама?

– Да?..

– Где ты взяла муку?

– Ульрика дала немножко.

Они были бедны, и с каждым годом беднели все больше. Старый двухэтажный дом пустовал – всю мебель, кроме их кроватей, кухонного стола, двух табуреток и любимого кресла Лии, Элиза давным-давно продала. Элиза уже не могла, как в молодости, работать от зари до зари, чтобы прокормить двоих. Дом ветшал – и некому было починить протекающую крышу, поставить новые ставни, законопатить щели, из-за которых по комнатам постоянно гуляли сквозняки... Добрые поселяне, вроде той же Ульрики, помогали им – но есть предел всякой помощи, черта, за которой даже немногие добрые соседи станут избегать их и с сожалением разводять руками в ответ на униженные просьбы Элизы. Последняя иногда со страхом думала о том, что будет дальше, когда прожитые годы совсем согнут ее, и окончательно превратят в беспомощную старуху. Она боялась не столько за себя, сколько за Лию – что станет с незрячей девочкой в этом бездушном мире, безразличном к человеческим бедам? Мир не жесток, но он и не добр – ему просто нет до нас дела. Священники могут говорить о том, что Князя Ада – родоначальники любого зла, а пресветлый Джордайс источает лишь благо, но к земле – и в этом Элиза, разменявшая уже шестой десяток лет, была твердо уверена – ни обитатели ада, ни Джордайс не имеют никакого отношения. Нет никаких злыдней, которые бы строили против людей козни: людьми правит судьба, и каждый в конце концов получает именно то, что заслужил – но происходит так не потому, что наверху есть кто-то, кто карает грешников и награждает праведников, а лишь потому, что ты все равно не унесешь больше того, что сможешь поднять...

2

...Когда Элиза была молода, у нее был возлюбленный, Карэн.

Любила ли она его? На этот вопрос не смогла бы ответить и сама Элиза. Спроси ее – и она скажет (если не солжет), что любовь – слово из книг и выдуманных историй. Это слово поэтов, глупцов и лицемеров. Нравился ли Карэн Элизе? Да. Он был красив, молод, хорош собой, остроумен и приятен в общении. Он был, что называется, «первым парнем на деревне». Все подружки Элизы втайне завидовали ей – но никто не пытался отбить у нее Карэна. Непросто отбить парня у первой на деревне красавицы.

Она не была застенчивой или чересчур бойкой девушкой. Она могла дать отпор любому насмешнику (или насмешнице), но могла быть и мягкой, как шелк, и искренней, и снисходительной. Она не любила утешать других, не любила взваливать на себя их беды и заботы, но умела понять чужое горе; одна ее улыбка могла подарить надежду, прогнать отчаянье и вернуть веру в себя. Неоднократно она брала под свое крыло девиц более робких и не таких красивых, как она, и среди них она предпочитала выбирать себе близких подруг, прекрасно понимая, что такие не предадут и не обманут. Парни были без ума от нее, девушки – завидовали...

Всем казалось, Карэн и Элиза идеально подходят друг другу. Впоследствии, вспоминая свою юность, она будет думать, что это было самое счастливое время в ее жизни, будет внушать себе, что она любила Карэна, что все могло быть иначе... И будет лгать сама себе. Она не любила Карэна – иначе не ушла бы от него. И уж конечно, это не было самое счастливое время в ее жизни. Самое счастливое время будет потом, в замке графа Эксферда, когда ей станет казаться, что все ее мечты осуществились и она начинает новую, необыкновенную, сказочную жизнь – жизнь богатых и сильных мира сего. Верните Элизе молодость, поставьте ее перед выбором: Карэн или те первые дни в замке – но дни, растянутые на долгие годы, на всю ее жизнь – и вы увидите, что она выберет, выберет сразу и без всяких колебаний...

Их семьи, Карэна и Элизы, имели почти равный достаток – равный, но не совсем. Семья Карэна была небогата, а семья Элизы была небедна – разница довольно ощутимая, если вы сами находитесь в положении Карэна и собираетесь жениться на девушке вроде Элизы. Карэн рос без отца – тот простым пехотинцем погиб на Форпийской войне, у Элизы отец был, и здравствовал – но не так, чтобы совсем благополучно. Отец Элизы, Мадрик, также участвовал в Форпийской кампании, но дослужился до сотника, а заодно, под конец войны – лишился обеих ног; вследствие этого в последующие годы он регулярно получал пенсию – не особенно большую, но на жизнь хватало. Элиза была старшей среди детей Мадрика; у нее имелась младшая сестра и два младших брата. У Карэна, помимо матери, был лишь старший брат, Янульф, на котором держалась вся семья до того времени, пока Карэн не встал на ноги и не начал зарабатывать себе на хлеб сам.

Семья Карэна ютилась в обычной деревенской избе, в которой имелась всего лишь одна большая комната, разделенная перегородкой. Семья Элизы жила в большом просторном доме, состоящем из двух этажей, пяти комнат, одного чердака и обширного подпола. Весь первый этаж занимала одна-единственная комната – прихожая, она же кухня, она же гостиная. Справа от двери располагался длинный стол, вдоль стен – лавки, вокруг стола – скамьи. Середина комнаты была пуста, чуть дальше начиналась лестница, ведущая на второй этаж. Слева находились печка, кухонный стол, полки с мисками и горшками; там же стоял буфет. Когда в доме собирались гости, кухня отгораживалась от гостиной полотняной занавеской. В детстве Элиза могла часами любоваться этим произведением искусства, которое было длиной более тридцати футов и имело затейливый, ни разу не повторяющийся цветочный орнамент... Впоследствии, когда ей станет нечего есть, она продаст занавеску вместе с

большей частью остальных более-менее ценных вещей, которые достанутся ей по наследству.

Но в те времена, когда этот дом еще принадлежал ее отцу, она и предположить не могла, что когда-нибудь начнет продавать все эти вещи. Она думала, что, скорее всего, выйдет замуж за Карэна и всю жизнь проживет в том доме, который ее муж выстроит собственными руками; там она будет хозяйкой, и заботы о детях будут занимать все ее свободное время. Обыкновенная, ничем не примечательная жизнь... такая же обыкновенная и ничем не примечательная, как та, что была у ее матери, и у бабушки, и у ее тети, и у ее двоюродной бабушки, и у всех прочих родственниках, которых знала Элиза.

Но мечтала она совсем не об этом. Иная жизнь – необыкновенная, богатая событиями и интригами, и принцами, стоящими перед ней на коленях, и рыцарями, ломающими на турнирах копья ради одного ее снисходительного взгляда – эта жизнь снилась ей по ночам. Она мечтала о богатстве – ибо богатство делает человека независимым от мелких житейских забот, позволяет думать не о насущном куске хлеба, а обо всем прекрасном, добром и вечном; мечтала о дальних странах, которые посетит, мечтала о знаменитых людях, с которыми познакомится. Иногда она ловила обрывки этой сказочной жизни – она несколько раз была в городе и видела роскошные экипажи, в которых сидели богато одетые люди, видела всадников – молодых аристократов, которым вздумалось проехаться по городу верхом... О, как высокомерно они смотрели вокруг себя, как спокойно и уверенно правили лошадьми, а когда обращали внимание на горожан, не успевших убраться с их дороги, то сколько презрения было в их взглядах! Элиза тоже хотела так, как они – презрительно и равнодушно взирать на этот мир, на эти толпы тупых, никчемных людишек, рассыпать золото горстями, и, может быть, даже облагодетельствовать кого-нибудь, выстроить в городе новую больницу или дом призрения, но значить в этом мире хоть что-то, быть там, наверху, среди великих и сильных мира сего, а не здесь, внизу, в толпе, одной из многих и многих... И поэтому, наверное, нет ничего удивительного в том, что когда у нее появился шанс войти в эту счастливую жизнь, она даже не подумала о том, чтобы от него отказаться.

Граф Эксферд Леншалльский однажды охотился в тех краях. Охота была устроена в честь приезда его друга, виконта Рихарта Руадье, но случилось так, что они оба отстали от егерей Эксферда и лишь к ночи выбрались на Восточный Тракт. После непродолжительного путешествия они достигли деревни, где жила Элиза. Они остановились на ночлег в доме деревенского старосты, а утром граф Эксферд повстречал Элизу.

Она привлекла его своей красотой. Граф заговорил с ней и предложил отправиться с ним в его замок, но Элиза, как и положено добропорядочной девушке, отказала неизвестному ухажеру. Он мог бы сказать ей, что он – ее господин, и что земля, на которой они стоят – его земля. Возможно, это придало бы его аргументам большую весомость. Но он ничего не сказал. Он рассмеялся, подарил ей серебряный браслет и ускакал из деревни вместе со своим другом – собираясь, впрочем, сюда как-нибудь вернуться. К этому времени его инкогнито уже будет раскрыто и деревенская красавица сама с нетерпением будет ждать его возвращения.

Так и случилось. Серце Элизы на мгновение замерло, а потом забилось с утроенной силой, когда она узнала, кто обратил на нее внимание. Молодой владелец острова, собственной персоной! В своих мечтах она уже видела на своей голове графскую корону.

Через неделю Эксферд вернулся, выяснил, в каком доме живет понравившаяся ему девушка и подарил ей какую-то дорогую безделушку. Прогулки, нежные слова и пара страстных взглядов... На вторую ночь она пришла к нему. Она бы пришла к нему и на первую, но не сумела незаметно выскользнуть из дома.

Ее родители были против этого «романа». На ухаживания Карэна отец Элизы смотрел сквозь пальцы, более того – отчасти поощрял их, видя в Карэне будущего зятя. Граф же...

Женится ли он на деревенской девушке? Никогда. Эксферд бросит Элизу как только она ему надоест. Возможно, он сделает ей несколько богатых подарков, но... Отец Элизы не хотел, чтобы его дочь становилась господской шлюхой. «Мы свободные люди! – кричал Мадрик, потрясая костылем. – Эта наша земля! Кто такой этот граф?! Королевский чинуша! Самодовольный хлыщ!.. Пусть он распоряжается нашей землей, пусть в его замке полно солдат – мы еще не стали подневольными людьми! Мы вправе убраться с этого чертова острова, когда захотим!..» «Но, папа...» «Молчи, дура! Дура дурой, но шлюхой я тебе стать не позволю!» Элиза предпочитала называть эти вещи другими именами и вообще придерживалась относительно своей будущей карьеры совершенно противоположной точки зрения. Поэтому на ночь красавицу заперли в чулане. Но вот зато следующей ночью Элизе удалось улизнуть.

Она вернулась утром – собрать кое-какие свои вещи. Граф, как и обещал, собирался увезти ее в свой замок. Произошла довольно-таки гнусенькая семейная сцена, в результате которой Элиза заявила, что она, в отличие от своих горячо любимых родителей, не собирается всю оставшуюся жизнь копать в навозе, как бы они этого для нее не желали, а отец в ответ разукрасил ей лицо синяками. Остановить ее не смогли. Когда Эксферд увидел свою возлюбленную в слезах, отнял ее руки от лица и обратил внимание на припухлости вокруг глаз, которые скоро должны будут приобрести самую удивительную окраску, он стал допытываться, кто это сделал. Элиза ничего не отвечала. Она плакала. Все дороги назад для нее были отрезаны. Когда Эксферд спросил: «Это твои родители?», она кивнула. Он молча посадил ее на лошадь и увез из деревни. Если бы она в это время заглянула в его глаза, то ужаснулась бы застывшему в них льду и горько пожалела бы о своем кивке. Чувство справедливости благородного графа Эксферда было глубоко оскорблено. Как, эти твари осмелились поднять руку на женщину, которую *он* себе выбрал? Приехав в замок, он вызвал к себе управляющего, приказал отрядить нескольких солдат в такую-то деревню, найти таких-то людей, и всыпать тем людям плетей – да так, чтоб им не показалось мало! К несчастью, граф выразился слишком неопределенно, а управляющий понял его слишком буквально. Плетей были аккуратно всыпаны, и всем пятерым родственникам Элизы их число не показалось малым. Младший брат Элизы вскорости умер, не перенеся побоев, за ним в могилу последовал отец, которого сломали не столько побои, сколько смерть сына и предательство дочери.

О печальной участи своих родных и о наказании, определенном графом, Элиза узнает лишь спустя пятнадцать лет, когда приедет хоронить сестру и мать – добросердечные соседи расскажут ей, что последовало за отъездом молодой честолюбивой девушки. К тому времени второй брат Элизы давно уже женится и уедет с женой на другой остров, а так как морские путешествия стоят недешево, он лишь один раз, спустя три года после свадьбы, навестит родных. Посочувствует сестре, так и не сумевшей найти мужа, оставит немножко денег матери, и уедет обратно – чтобы не вернуться больше уже никогда. Спустя двенадцать лет – двенадцать лет, которые пролетят подобно камню, брошенному в лицо: не остановить, не уберечься – сестра Элизы заболеет болотной лихорадкой и заразит ею мать. Они покинут этот мир, как жили, их смерть будет скучна и никому не интересна, и они перетерпят и саму болезнь, и даже смерть так, как терпели всю свою жизнь. Всю эту бессмысленную, никчемную, никому не нужную жизнь.

Через несколько дней, благодаря графскому лекарю, синяки Элизы исчезли без следа, а еще раньше высохли ее слезы. Граф не скупился ни на подарки, ни на ласки – во всех отношениях он был весьма щедрым мужчиной... что, впрочем, нетрудно, если ты молод, здоров как бык и вдобавок ко всему являешься владельцем большого острова. Острова с тремя городами, двумя замками и тремя десятками деревень. Острова, на котором есть леса и горы, богатые ценными металлами. Король далеко (на другом острове; к слову сказать, все это королевство состояло из таких вот островов, больших или меньших Леншаля), налоги

взимаются аккуратно, слуги воруют, конечно, но не так, чтобы слишком, войны нигде нет, о новых пиратских набегах ничего не слышно – так о чем еще думать молодому богатому дворянину, как не о женщинах, охоте или о том, к кому из своих знакомых на следующей неделе отправиться в гости?

Итак, это было самое счастливое время в жизни Элизы. Она научилась есть, держа в левой руке вилку, а в правой – нож (орудовать сразу и тем и другим оказалось не так-то просто), она одевалась в богатые платья, меняла наряды и украшения каждый день, отправлялась вместе с графом на верховые прогулки. Она принимала ванну два раза в день и в постели старалась доставить своему сеньору максимум наслаждения. Она почти полюбила его – полюбила за ту жизнь, которой она теперь жила.

Эта идиллия длилась три месяца, по прошествии которых граф собрался с ответным визитом к виконту Руадье и взял с собой Элизу. Элиза была в восторге. Она уже умела танцевать, переняла кое-какие светские манеры и при случае могла сойти за провинциальную дворянку. Эксферд не собирался афишировать ее настоящее происхождение, а Рихарта попросил молчать. Элиза превосходно сыграла свою роль – она уже успела вжиться в образ и привыкнуть к мысли, что теперь *так* будет *всегда*. Она была немногословна, но держалась с достоинством, а ее красота заставляла забывать о тех немногих ошибках в поведении знатной леди, которых она все же не смогла избежать. Многие допытывались у графа, где он нашел такую красотку.

Ночью, после бала, за кувшином вина, хозяин замка и его гость – посмеялись над этой забавной шуткой. Пьяный разговор вился своей затейливой дорожкой, Эксферд спросил Руадье, по-прежнему ли баронесса Пейскарская приглашает его к себе в отсутствие мужа, Руадье ответил, что приглашать-то приглашает, да вот сам он ездить перестал – надоело, и ухаживает сейчас за одной симпатичной особой, но имя ее – тсс! – это секрет и полная тайна, поскольку она, графиня ан Эске, чрезвычайно печется о своем добром имени. Эксферд понимающе усмехнулся, а Руадье, в свою очередь спросил – а какова твоя крестьяночка в постели? Небось, что с ней не делай, только бревном лежит и удивленно в потолок пялится?.. «Как дикое животное, – заплетающимся языком ответил Эксферд. – Ее, конечно, приходится многому учить, но учится она с у-до-воль-стви-ем... ни одна из наших капризных напояженных дур с ней не сравнится. В ней есть страсть, некое первобытное очарование...» «Очарование? – переспросил Рихарт, громко икнув. – Очарование, говоришь? Я тоже недавно был очарован. Привезли меч с материка... Из Алевузы...» «Ого!..» – уважительно сказал Эксферд, мигом переключаясь на новую тему. Далее разговор перешел к достоинствам алевузских мечей, чуть искривленных и настолько гибких, что их можно было наматывать на руку, но Рихарт Руадье не забыл, как Эксферд отзывался о своей новой любовнице. На следующий день взгляд Рихарта не раз и не два скользил по тонкому стану Элизы, по ее простому и милому – но отнюдь не простецкому! – лицу, останавливался на груди, бедрах, руках... Интересно, какова она там, под платьем? В самом ли деле она так страстна в постели, как это расписывал Эксферд? Руадье собирался обязательно это проверить. Лично.

Совесть его не беспокоила. Да, Эксферд был его другом. Другом не единственным, но первым в числе тех немногих, кого Руадье считал своими друзьями. Шесть лет тому назад, во время пиратского набега, он спас Эксферду жизнь, вытащив израненного рыцаря с горящего флагмана Вольных Мореходов (так называли себя пираты, постоянно тревожившие Вельдмарский Архипелаг), а спустя четыре года Эксферд, в свою очередь, спас его от бесчестия и разорения, когда пронырливые торгаши-хасседы явились требовать то, что причиталось им по векселям, а по векселям им причитались все земли Рихарта Руадье, вместе с его родовым замком – если, конечно, он разом не сможет расплатиться по всем займам, которые на протяжении трех поколений делало семейство Руадье у презренных хасседов. Рихарт принял их, и уста его в тот день были медоточивы, а речь – изыскана и мягка, как шелк, но он ничего не

дал им. Он пообещал вернуться к этому вопросу на следующей неделе. Торговцы, ругаясь сквозь зубы, в тот же вечер убрались из его замка, поскольку он, продержав их у себя целый день, отказал им в ночлеге. Когда последний хассед сошел с подъемного моста и вступил на грунтованную дорогу, Рихарт согнал со своего лица медоточивое выражение, приказал позвать капитана замковой стражи и отдал ему несколько коротких и ясных указаний, что надлежит сделать с вредоносными хасседами, как только они отъедут подальше от замка. Верные своему господину, солдаты Руадье ночью напали на лагерь торговцев и перебили их... Но, к сожалению – как выяснилось позже – не всех. Кое-кому удалось бежать – и прихватить с собой те самые бумаги, из которых явствовало, что земли сэра Рихарта, собственно говоря, уже и не совсем его земли. Рихарт рвал и метал, а хасседы тем временем обратились с жалобой к самому королю. При дворе у них нашлись защитники – возможно, это были люди, одержимые манией справедливости и национального равноправия, возможно – хасседы оплатили покровительство тех людей звонкой монетой. Но, так или иначе, а для Рихарта наступили довольно мрачные времена, и чем дальше, тем они становились мрачнее. Именно тогда Эксферд отправился ко двору и употребил все свое влияние, чтобы убедить короля не верить продажным хасседам, их поддельным документам и наветам на честное имя виконтов Руадье. Когда, спеша порадовать друга, Эксферд самолично посетил его замок и превратил тяжелые сумерки, сгущавшиеся в сердце Рихарта, в сияющий день, друзья закатали такую попойку, что и годы спустя замковые слуги содрогались от одного воспоминания, сколько им пришлось выносить стеклянных и глиняных осколков из спальни Рихарта, где вдрызг пьяные лорды кидались бутылками в стену, сиюсь попасть в неуловимого демона Татайгу, имеющего зеленый цвет, кривые рожки и неподкованные копытца; звонко цокая теми копытцами, Татайгу рано или поздно посещает всех, кто почитает его посредством обильных возлияний...

Так вот, совесть Рихарта не грызла. Дружба дружбой, но при чем тут эта крестьяночка? Ведь не собирается же Эксферд, в самом деле, на ней жениться! Он даже не влюблен в нее. Так, милое развлеченьице, сдобная булочка в перерыве между деликатесами. Да и от крестьяночки не убудет, если он, Рихарт, узнает и по достоинству оценит ее прелести... Кроме того, была еще одна причина, по которой Рихарт позволял себе столь легкомысленно покусаться на чужую женщину. Эксферд Леншалльский посетил его замок не просто так. Через несколько недель в замке Руадье должен был состояться большой праздник, и Эксферд хотел, чтобы виконт пригласил на него своих дальних родственников, владельцев острова Сэларвот, а именно – дочь старого графа, прекрасную Терейшу. Владельцы острова Сэларвота слыли не только одной из самых богатых семей Архипелага, но и затворниками, каких мало, а Эксферд Леншалльский был совсем не против с этой семьей породниться. Терейшу он видел лишь один раз, во дворце некоего престарелого герцога, куда сам Эксферд попал совершенно случайно. Терейша и Эксферд, единственные молодые люди на этом сборище напыщенных стариков, за весь вечер перебросились едва ли парой фраз, но еще тогда Эксферд не раз успел поразиться тому, какое сокровище этот скряга, этот набожный отец семейства, этот благонравный граф Сэларвотский держит у себя взаперти – и, по-видимому, никогда по доброй воле не выпустит в «этот развращенный свет». А Терейша – даже если забыть про все ее баснословное наследство – ему очень понравилась. Она была чрезвычайно мила и красива – той изысканной аристократической красотой, которая иногда расцветает в семьях, вот уже не одно поколение правящих судьбами тысяч других людей; в семьях, давно забывших – или, если послушать их самих, никогда не знавших – тяжелый, изнурительный крестьянский труд, уродующий и старящий раньше срока мужчин и женщин. Рихарт хорошо знал старшего брата Терейшы, и не без оснований надеялся уговорить его приехать на праздник вместе с сестрой... Точнее, даже не так – он надеялся уговорить брата Терейшы, чтобы тот уговорил своего отца отпустить сестру на этот праздник.

Вот поэтому, в преддверии возможной женитьбы Эксферда, Рихарт не думал, что его друг сильно расстроится, если даже и узнает, что он, Руадье, переспал с его крестьяночкой.

Тем же вечером, в саду, он сделал попытку перейти к более близкому знакомству с Элизой. Отказ его разозлил, но на следующее утро он убедил себя в том, что Элиза отказала ему из-за запаха вина – к концу вечера он уже изрядно набрался. Но он не сомневался в том, что легко достигнет успеха, если Элиза хотя бы на полчаса останется с ним в одной комнате, а от него не будет за шесть шагов нести густым винным духом. Значит, нужно хотя бы ненадолго избавиться от Эксферда – и за завтраком Рихарту пришла блестящая мысль, как это можно сделать.

В комнате – это была Малая Столовая, уютное помещение с небольшим столиком, двумя скамьями и камином – кроме них двоих и сновавших туда-сюда слуг, присутствовал еще один дворянин, и это был толстый барон Фарлед Пейскарский собственной персоной. Все остальные гости пока что еще спали.

– Знаешь, – задумчиво сказал Рихарт своему другу, отправляя в рот ломтик жареного мяса. – У меня тут, неподалеку от той часовни... ну, ты помнишь – той часовенки, где ты года три назад, прямо во время службы, поссорился с каким-то молодым дворянчиком...

– Не помню, – ответил граф Эксферд, который за свою двадцатипятилетнюю жизнь поссорился с таким количеством молодых и не совсем молодых дворянчиков, что, для того чтобы запомнить имена их всех, ему бы пришлось заносить их в специальную книгу. – Не важно.

– Так вот, – согласно кивнув, продолжал Рихарт. – Неподалеку от той часовни поселился один алхимик и колдун, которого, как говорят, чуть не сожгли на материке. Удивительные вещи делает. Мечи, которые бьются сами. Стрелы, которые всегда попадают в цель. Яды, крупинки или капли которых достаточно, чтобы свалить лошадь... Если б не Церковь, давно взял бы его под свое покровительство, поселил бы в замке и заставил бы работать только на меня. Вот буквально перед вашим приездом мой управляющий отправился раз к колдунцу затем, чтобы испросить какое-нибудь средство от лысины... Ты его вчера видел, Эксферд?

– Я видел какого-то молодого человека, – медленно произнес граф. – Я еще подумал, что это, наверное, его сын...

– Вот-вот... Дал ему колдун какое-то зелье, сказал выпить. Так что ты думаешь – у него не только волосы снова вместо лысины появились! На правой руке у него не доставало мизинца и фаланги безымянного пальца. Лет тридцать еще назад отец мой ему пальцы отрубил, на воровстве поймав... И что же? После того зелья у него эти пальцы снова выросли! – торжествуя закончил Рихарт.

Эксферд усмехнулся.

– А больше у него ничего не выросло? – давясь смехом, спросил он.

– Да ну тебя...

– Так прямо вот и выросли? – Барон Фарлед также не спешил верить легкомысленному виконту, обожавшему шутки и розыгрыши.

– Да! – Уже порядком разозлившись, ответил Рихарт. – Вот так вот прямо вот и выросли!

– А ты сам у него хоть раз был? – Все еще смеясь, поинтересовался Эксферд.

– Был.

– И? Купил что-нибудь?

– Тоже... зелье одно, в общем... – Неохотно сказал Рихарт.

– Ну, и как? – стал допытываться граф Эксферд.

– Девять раз за ночь, – многозначительно ответил виконт.

Эксферд хмыкнул, но промолчал.

– Что девять раз за ночь? – Не понял барон Фарлед.

Эксферд снова захохотал, рассмеялся и Рихарт, и эта реакция, равно как и насмешливый взгляд, которым наградил его виконт, лучше всяких слов дали Фарледу понять, что произошло девять раз за ночь.

– Девять раз? – Изумился Фарлед. – То есть, вы хотите сказать... *девять раз за ночь*? Не то, чтобы я сомневался, но...

– Пойдемте, барон, – вставая, перебил его граф Эксферд. – Посмотрим на волшебника, умеющего делать такие удивительные зелья.

– Я дам вам провожатого, – кивнул Рихарт.

После того, как граф и барон уехали, Рихарт отыскал Элизу. К его удивлению, эта крестьяночка снова отказала ему – и куда более решительно, чем вчера. К его неотразимому (как он сам полагал) обаянию она оказалась совершенно равнодушна.

Рихарт Руадье был не столько разозлен, сколько удивлен ее отчаянным сопротивлением. Он не раз – правда, осадой, длившейся значительно большее время – брал бастионы, о которых ходила молва, как о *неприступных*, но что вообразила о себе эта крестьяночка, еще вчера копавшаяся в курином помете? Разве она умеет отказывать?! Достаточно уже и того, что *он* захотел ее здесь и сейчас, а рядом нет ее благородного графа, в тень которого она могла бы спрятаться!

Элиза ничего о себе не вообразила. Однако воспитывалась она в менее развращенной среде, и если и допускала мысль о плотской любви, не освященной узами брака (чтобы по этому поводу ни говорили ее родители, свято убежденные, что *этим* можно заниматься *только* после свадьбы, *только* ночью и *только* в полной темноте) то иметь двух или более любовников – нет уж, извините! Она не какая-нибудь там гулящая девка.

Кроме того, она ведь и в самом деле уже почти полюбила графа. Все остальные мужчины стали ей глубоко безразличны – либо откровенно отвратительны. После того, как Рихарт насильно вырвал у нее поцелуй, он полностью и бесповоротно (как ей тогда казалось) перешел во вторую категорию.

Вы полагаете, что он не остановился на этом? Вы полагаете, что после первого насильного поцелуя, он, как и положено всякому отъявленному злодею, обесчестил девушку и всячески над ней надругался, гнусно при этом хохоча?

Нет, нет, нет... Рихарт не обесчестил Элизу. Насилие над женщиной не привлекало его. Он коротко рассмеялся (как и положено отъявленному злодею), и, не разжимая рук, спросил:

– Хранишь верность своему графу, крестьяночка?

Элиза ничего не ответила. Элиза отвернулась и отклонилась назад, стараясь быть как можно дальше от человека, который в одночасье стал ей глубоко ненавистен. Она думала о том, что будет делать, если Рихарт все-таки попытается взять ее силой. Она уже успела испытать силу его рук, стальным обручем обхвативших ее талию: она знала, что не сможет вырваться. Что она скажет графу Эксферду *потом*? Захочет ли он смотреть на нее *после этого*? Или у них, людей благородного происхождения, так принято – время от времени обмениваться своими женщинами?..

– Ладно, иди уж, крестьяночка, – хмыкнул Рихарт, разжимая руки. – Трясешься, как пойманный зайчонок... Иди к своему графу. Когда Эксферд тебя выгонит, приезжай сюда, на мой остров... Я подожду.

И с этими словами он вышел, а Элиза бросилась в свою комнату. Ее трясло от ужаса и отвращения.

Когда Эксферд вернулся со своей прогулки, она ничего не рассказала ему. Он радостно делился с ней своими впечатлениями о странном колдуне, которого они навестили с бароном, а Элиза, слушая своего возлюбленного и все более увлекаемая его рассказом, с каждой

минутой все меньше думала о собственных неприятностях. Ну, пытался подкатить к ней *этот* Рихарт, ну и что же с того? В жизни каждой женщины бывают подобные неприятные моменты. Стоит ли из-за них переживать? Безусловно, не стоит.

Итак, слушая Эксферда, она забыла о виконте и о неприятном утреннем инциденте. Она тем скорее постаралась забыть об этом, что в злых обидных словах Рихарта (хотя и произнес он их вовсе не обидным тоном, а, напротив, любезным и почти доверительным), прозвучало кое-что, что сильно ее беспокоило, едва она начинала всерьез над этим задумываться.

«Когда Эксферд тебя выгонит...»

Но она отмахнулась от этих слов. Эксферд казался ей таким прекрасным, таким ласковым любовником... Он так любил ее...

В тот вечер за ужином она держалась так же, как и вчера – спокойно и уверенно, разве что на Рихарта по возможности старалась не смотреть.

На следующий день граф и Элиза отплыли обратно на остров Леншалль.

Идиллия продолжалась еще месяц. Граф еще два раза уезжал в гости, но не брал ее с собой – в первый раз она очень просила его, и не одну ночь проплакала в подушку, когда он отказался, во второй раз – не захотела сама. Она не очень хорошо чувствовала себя в последние дни: ее тошнило по утрам. К сожалению, рядом с ней не было опытной женщины, которая просто и доходчиво объяснила бы Элизе, что с ней происходит, а сама спрашивать об этом кого-нибудь – к примеру, тех же служанок – она не решалась. Она, и не без основания, полагала, что все слуги в этом замке ее ненавидят. Ведь она – по происхождению такая же, как они, и даже еще ниже – а спит в одной постели с лордом, на мягких перинах, ест с его стола, носит дорогие платья и золотые украшения!.. В общем, Элиза старалась скрывать ото всех, что с ней происходит, и более всего – от графа, и тихо надеялась, что эта странная хворь – вызванная, несомненно, какой-нибудь заморской пищей – потихоньку пройдет сама собой.

Через месяц после бала у Руадье граф как-то вошел к Элизе – она сидела перед зеркалом, тщетно пытаясь придумать, какого оттенка пудру использовать, чтобы скрыть не совсем здоровый цвет лица и синяки под глазами.

Кстати, Элиза почти не подурнела во время беременности. Это ей казалось, что выглядит она ужасно, но все окружающие – и в первую очередь мужчины – благодаря ее стараниям не замечали в ней никаких перемен.

– Вот что, Лизонька, – сказал граф, наклоняясь к ней и щекоча ее прелестную шейку. – Мне нужно уехать. Надолго. Может быть, на месяц, может быть – больше. Дела, дела, лисенок... Здесь, в замке, тебе, наверное, будет скучно... Не хочешь пока пожить в городе? Я сниму квартиру и оставлю деньги на всякие безделушки. Как только вернусь, заберу тебя обратно.

– Обещаешь? – спросила Элиза, думая о своем. Город – это хорошо. В городе она сможет пойти к лекарю. К графскому лекарю со своими болячками она обращаться не хотела.

– Конечно, лисенок, – ответил граф, наклоняясь и целуя ее в шею.

...Когда сэр Эксферд вышел из ее комнаты, то облегченно перевел дух. Во время праздника у виконта он, как и рассчитывал, сумел сблизиться с Терейшой и ее братом и даже был приглашен в их замок на острове Сэларвот. Теперь оставалось выполнить самую сложную часть его плана: понравиться родителям Терейшы – и дело в шляпе. Он надеялся задержаться в гостях у графов Сэларвотских подольше.

Странно, но Элиза на удивление спокойно приняла его предложение переехать в город. В последнее время она стала скучной, раздражительной, обижалась по пустякам и иногда плакала без всяких на то причин. Входя, внутренне граф уже приготовился к бурной сцене

и выяснению отношений, но Элиза приняла все, как будто оно так и должно быть. А, может, она прекрасно понимала, что значат все эти слова? Хорошо, если так. Значит, она достаточно умна, чтобы не претендовать на то, что ей никогда не будет дано. Ах, если бы все женщины были такими!..

Граф Эксферд еще раз вздохнул и отправился в свои покои – готовиться к отъезду. Нужно тщательно продумать, что с собой брать, а что – нет, во что одеться и сколько человек взять с собой в качестве свиты.

Странно, конечно, но почему-то ему было немного грустно расставаться с этой милой девушкой... Но ничего, это пройдет, едва лишь он снова увидит прекрасную Терейшу.

3

...Судно отчалило от пристани Склеворнса три дня назад; еще столько же – и оно бросит якорь у Ленвендо, острова, где умный человек всегда сумеет продать подороже, а купить подешевле. Капитаном торгового судна был Ноэс Лаувельт – чернобородый здоровяк средних лет, никогда не расстававшийся с длинной тяжелой саблей и костяными четками, которые он постоянно вертел в руках; а владельцем корабля – старый виконт Руадье, да-да, тот самый Рихарт Руадье, который двадцать пять лет назад женился на девушке, чей отец и дед были обыкновенными виноторговцами – правда, на редкость богатыми и удачливыми. Дед Генриеты (так звали девушку) оставил своим потомкам немалое состояние, а его старший сын, унаследовавший дело, обвенчался с какой-то бедной дворяночкой, так что Генриету, их единственную дочь, уже нельзя было в полной мере считать «всего лишь простолюдинкой». По крайней мере, так не стал считать Рихарт Руадье, женившийся на этой не очень красивой, но зато очень богатой девушке. У Генриеты было двое братьев, но старший погиб за несколько лет до свадьбы, а младший, еще с детства ощущавший тягу к духовной жизни, вскоре после достижения совершеннолетия, несмотря на уговоры родителей, подался в монахи. Таким образом, Генриета являлась единственной наследницей огромного состояния и торговой компании, постоянно приносившей значительный доход. Ее отец еще больше расширил дело, и с некоторых пор торговал уже не только вином, но и многим другим: фруктами, стеклянной посудой и даже всевозможными целебными настоями.

После смерти отца Генриеты владельцем этой торговой компании стал Рихарт Руадье.

Но так как он в торговле ровным счетом ничего не понимал – да и не хотел понимать – он предоставлял вести все дела своей жене; и, надо признать, что она прекрасно справлялась со своими обязанностями. Она с детства помогала отцу, и видела, как он вел торговлю; в первое время ей оставалось только подражать его опыту, а дальше – использовать свою природную смекалку. Дочь виноторговца, в денежных делах она оказалась куда искуснее Рихарта.

...Чуть расставив ноги, ни за что не держась – хотя качка, надо сказать, была преизряднейшая – Ноэс остановился на палубе и посмотрел в спину человеку, неподвижно стоявшему на носу его корабля. Высокий человек в синем плаще был волшебником. Морским волшебником, заклинателем ветров. Никогда еще шхуна Ноэса не бежала по волнам так резво, никогда еще косые паруса не слушались ветра с такой охотой, а между тем морской волшебник был нанят вовсе не для того, чтобы Ноэс мог в рекордно короткий срок доставить товар из Склевонса в Ленвендо. Он и без волшебника всегда выполнял свою работу так, что грешно было бы на него жаловаться. Нет, заклинатель ветров нанят виконтессой не для этого. Но именно потому, что Ноэс был лучшим из ее капитанов, волшебник оказался на его судне в то время, когда поползли слухи о многочисленных штормах, разгулявшихся в последнее время на юго-востоке Вельдмарского Архипелага. Да что там – слухи: за последний месяц два торговых корабля пропали без вести, и виноваты в этом были отнюдь не пираты, которые с некоторых пор обходили стороной этот район Архипелага, а разбушевавшаяся стихия. Это ли не причина, чтобы заплатить морскому волшебнику? А если и это – не причина, то вот, извольте, еще одна: на шхуне среди прочих пассажиров (в Склевонсе они взяли на борт – за хорошую плату, естественно – двух купцов, которым срочно надо было попасть на Ламсток, соседний с Ленвендо остров) находился еще один, чья жизнь и здоровье были дороже виконтессе всех ее богатств: ее второй сын, Рамон Руадье. Поговаривали, что старший сын Руадье – трус и мямля, младший – копия отца, зато вот средний, Рамон, удался в мать. Или, возможно, в своего деда. По крайней мере, светские развлечения мало привлекали этого молодого человека, он предпочитал, как он сам выражался, «заниматься делом». Семья Руа-

дье занимала достаточно высокое положение, чтобы ей спустили и не такую странность: куда уж этой странности до той, что учинил Рихарт двадцать пять лет назад, женившись на дочери виноторговца! Сам Рихарт предпочитал относиться к неестественным увлечениям своего среднего сына как к юношеской блажи, которая пройдет с возрастом. Старший, Рамхель, отказавшийся драться на дуэли с человеком, который прилюдно оскорбил его, раздражал Рихарта куда сильнее. Поговаривали, что Рихарт вычеркнул его из своего завещания, даже хотел выгнать из дома, и только заступничество матери помогло Рамхелю избежать этого.

Капитан хмуро посмотрел направо. Там, облокотившись на борт, молодой виконт игрался с новенькой подзорной трубой, не иначе, как купленной в Склервонсе перед самым отплытием. Он то сдвигал, то раздвигал две половинки трубы, то переворачивал ее и время от времени таким образом смотрел на какого-нибудь мимо проходившего матроса.

«Балуется, сопляк... – подумал капитан. – Так и вертит ее в руках, так и вертит... А вот уронишь в воду – что, думаешь, я тебе ее доставать буду? Вреш, дружок... Придется тебе трубочку-то новую покупать... Ну да черт с тобой, впрочем...»

Ноэс Лаувельт был несправедлив к Рамону. Рамон любил брать и не привык отдавать, он цепко держал в руках то, что имел, и это в равной степени относилось ко всем вещам, которые он считал своими. В том числе – и к подзорным трубам, которых он мог купить в Склервонсе хоть двадцать штук разом. Мог – но не купил; с недовольной миной на лице он расстался даже с теми деньгами, которые потребовались на покупку одной. Он долго колебался: не проще ли будет одолжить сей предмет у капитана корабля, но потом решил, что так поступать несолидно. Впрочем, сейчас он о своей покупке не жалел. Морской болезни у него не было, но прошло только трое суток, а море уже опротивело ему до такой степени, что он почти начал сожалеть о том, что не взял с собой в дорогу пару-тройку книг – как ему советовал Рамхель. Нет, он ни за что бы не расстался со своей подзорной трубой, которая на настоящий момент в этом скучном плаванье являлась его единственным развлечением.

– Ишь, вырядился... – негромко произнес кто-то рядом с Ноэсом.

Обернувшись, капитан увидел своего нового помощника, Джера, которого гораздо чаще, чем по имени, звали Корявым. Причина этого прозвища заключалась не в телосложении, как можно было бы предположить, а в зубах Джера, которые росли под самыми невозможными углами; иногда, когда Джер скалился, поглазеть на это зрелище сбегалась вся команда. Своей улыбкой Джер мог бы напугать даже матерого каторжника. Как ни странно, необычное расположение зубов Джера на его произношение почти не влияло.

Слова Корявого Джера предназначались, естественно, Рамону, разодетому в парчу и шелк. Три дня подряд он одевался довольно просто, а сегодня зачем-то решил «блеснуть». Хотя ни капитан, ни его помощник не могли знать этого, причина заключалась в тех двух купцах, которых они везли на своем корабле: Рамону как-то показалось, что эти люди не относятся к нему достаточно уважительно. Но, вместе с тем, прямого оскорбления нанесено ему не было – купцы общались с ним так же вежливо, как и со всеми остальными на корабле. Но в том-то и дело: *как и со всеми остальными*. Одевшись сегодня в свое лучшее платье, Рамон собирался подчеркнуть разницу между собой и *всеми остальными*. Расставить, так сказать, акценты, и в будущем избавить этих же самых купцов от неприятностей, которые могло бы причинить им какое-нибудь их же собственное неуклюжее высказывание, адресованное ему, Рамону. Завтра он собирался полазить по мачтам, и не хотел, чтобы вследствие этого двое купцов окончательно утвердились во мнении, что он всего лишь простой матрос.

– Не твое дело, – осадил капитан Корявого Джера. – Думай, о ком говоришь... В трюме был?

– Был.

– Тюки в порядке?

– В порядке.

– А бочки?

Джер кивнул, но капитану этого показалось мало.

– В порядке, я спрашиваю?

– Да, капитан.

Ноэс, нахмурившись, отвернулся. В прошлый рейс случилась неприятность: один матрос ночью проник в трюм, вынул затычку из бочки и так ужрался, что заснул и забыл эту самую бочку закрыть. В результате вино вытекло и намокли тюки с дорогими атласными тканями. Утром Ноэс едва не убил этого матроса, а когда вернулись в Склервонс – выкинул с корабля, но это, конечно, не могло вернуть ни вина, ни высушить ткани. С тех пор та часть трюма, где хранились товары, стала запирается не на один, а на два замка, и Ноэс каждый день проверял, все ли там находится на своих местах. Или гонял своего помощника.

Ноэс забрал у Джера ключи, и уже собрался идти на корму, чтобы покалякать со штурманом, с которым они плавали вместе вот уже пять лет и которому капитан доверял как самому себе, когда вдруг краем глаза заметил нечто странное...

В следующее мгновение он уже стоял на носу корабля, дрожащими руками вцепившись в резной поребрик. Неужели то, что он увидел...

Да.

Чернота стремительно разливалась по небу, гигантской кляксой пожирая синюю высь; щупальца, состоявшие из сжатого – крепче металла, тверже камня – воздуха, жадно выпивали солнечный свет, всасывали в себя редкие облака, воронками смерчей вонзались в море – чтобы в следующее мгновение оторваться от водной поверхности, и протянуться вперед: ближе, ближе к жалкому изделию человеческих рук, к забавной игрушке, которой сегодня собрался поиграть ураган. И там, где тянулись к кораблю десятки чудовищных, размазанных по воздуху лап, казалось, вместе с небом исчезало и море, водная гладь обесцвечивалась и исчезала, и корабль устремлялся точнехонько в середину ворот в темноту, в жадную пасть, распахнутую в ожидании лакомого ужина.

– Господи боже... – прошептал Ноэс. На своем веку он повидал немало штормов, видел пенные валы, вздымавшиеся выше самых высоких гор, два раза возвращался в порт не столько на корабле, сколько на его обломках, но то, что он наблюдал сейчас, он надеялся никогда не увидеть.

Ноэс повернулся к колдуну, и увидел, что тот смотрит на него, и лицо заклинателя ветров, так же, как у него самого, искажено ужасом. По губам – ибо внезапный вой ветра заглушил все остальные звуки – он прочел: «Наргантинлэ».

Наргантинлэ, живая буря, воплощенный кошмар тех, кто бороздит моря во всех четырех частях света, древнее чудовище, выбравшееся на дневной свет, голодный пасынок беззвездной ночи, властелин и прародитель всех штормов и ветров...

– Спустить паруса! – заорал капитан и закашлялся, чувствуя, что сорвал голос, но никто не услышал его команды – в визге, заполонившем воздух, он сам не смог услышать себя. Ощущение собственного бессилия, впервые накатившее, когда он только увидел расползающуюся по небу черноту, снова объяло Ноэса, но он стряхнул оцепенение, и, преодолевая бешенный ветер, сделал первый шаг к матросам, которые, как замороженные, пилились на черную стену, приближающуюся к кораблю. Почувствовав, как кто-то вцепился ему в плечо, он повернулся и увидел открывающийся рот волшебника, но поначалу не услышал ни слова; и тогда заклинатель ветров с силой притянул его к себе и закричал в самое ухо:

– Ничего не делайте! Все равно...

Иииииииии!!!

– ...постараюсь закрыть...

Йаааааааа!!!

Волшебник отвернулся, не смея больше терять время на объяснения, ибо каждое уходящее мгновение было на вес золота, и спустя секунду капитан молчаливо признал справедливость его слов: живой шторм перемещался с такой скоростью, что бессмысленно было предпринимать что бы то ни было. Перед наступлением обычной бури, даже самой неистовой, мореплавателям все равно остается немного времени, чтобы подготовиться к ней: убрать паруса, задрать люки, укрыться в трюме, но сейчас счет шел не на минуты – на секунды. Вот – горизонт был чист, и ни впередсмотрящий, ни заклинатель ветров не видели ни единого признака надвигающейся бури, вот – широкое пятно, подобное спруту или шарящей по небу пятерне, возникает на горизонте, и у капитана, и у впередсмотрящего и у заклинателя ветров замирает сердце, вот, еще миг – капитан успевает сделать четыре шага вперед, вцепиться в борт корабля и поднять глаза на то, что, как он надеется, ему только мерещится, а живая буря уже совсем рядом, и длинные ее языки ласкают водную гладь прямо перед кораблем, вот – слова волшебника, крик Ноэса, и наргантинлэ нависает над шхуной подобно горе Римион, на недостижимой вершине которой, как гласят предания, располагаются райские кущи, вот еще десять или двенадцать слов, которые колдун кричит в ухо Ноэсу, а окружающего мира уже нет, есть лишь темнота, темнота вокруг, без верха и низа, без направлений, и корабль не плывет больше, он летит по воздуху: впереди и позади, вверху и внизу – сплошная ночь, море до дна выпито наргантинлэ и дна нет тоже, ничего нет – есть лишь визг ветра, все больше напоминающий непрерывный смех сумасшедшего, палуба корабля, окруженная бледным сиянием, люди, в ужасе вцепившиеся в корабельные снасти, и взгляд, почти физически ощутимый – взгляд оттуда, из сплошной черноты. Капитан смотрит на палубу – он боится смотреть за пределы корабля – и видит, что белое сияние окружает всех людей, в том числе и его самого, и тогда он удивляется свету, разлитому по палубе: неужели его корабль так же жив, как и он сам? Да, так же. Ноэс явственно ощущает ужас, испытываемый его кораблем – ужас, переплетающийся с его собственным ужасом, и отчаянье, и нежелание умирать – все точь-в-точь так же, как у человека. Потом эта мысль исчезает: капитан видит волшебника, поднимающего над головой руки, и свет, который исходит из его ладоней и светящимся коконом окутывает корабль – в то время как собственное серебристое пламя, окружающее волшебника, на миг угасает – чтобы, впрочем, в следующий миг разгореться с новой силой.

Корабль закрыт. Визг сменяется оглушающей тишиной, и стены света хранят взгляды людей от ужасов мрака, бурлящего вокруг шхуны... Но тишина длится лишь секунду или две, не больше.

Тишина взрывается воем; капитан смотрит вверх, и видит, как рвется светлая оболочка, закрывающая корабль, рвется в точности над колдуном, и чернота, подобно хищному зверю, добравшемуся до вожаемой добычи, заглядывает в образовавшуюся дыру, а потом сверху падает ветер, сгущенный почти до твердого состояния, и опускается на колдуна, и хотя визг бури перекрывает все звуки, капитан отчетливо слышит хруст и чавканье, когда от колдуна остается одно лишь кровавое месиво. Так давят насекомых, осмелившихся выползти на середину комнаты: сначала наступают ногой, а потом растирают по доскам деревянного пола, чтобы не осталось следов.

Черный ветер проникает на корабль. Части светлого колдовского кокона, подобно кускам жести, отрываются и улетают в темноту, и темнота ласкает корабль – точно так же, как ребенок вертит на кончике языка конфету, прежде чем раскусить ее. Капитан еще не понимает, что это – смерть. Он не понимает ничего, в последние мгновения жизни разум отказывает ему, и он не видит, как начинает разрушаться его корабль, как отрываются и уносятся в темноту мачты вместе с парусами, как кричат люди, когда ветер *пробует на вкус* их внутренний свет. Но корабль еще жив в то время, когда ураган находит человека, который на время заставляет его забыть обо всех остальных. Над головой Ноэса проносится чье-то тело

и поднимается на несколько метров вверх: наргантинлэ желает поближе рассмотреть свою добычу. Парча и шелк, золотое и зеленое... Это мальчишка, сын виконта, Рамон. И капитану кажется, что он сходит с ума, когда сквозь визг ветра, мешаемые с ревом и смехом, отчетливо слышатся слова:

– Руадье!.. Руадье...

И еще капитану кажется, что в этих словах слышна радость.

Потоки ветра обвивают юношу, а разум вместе с удесятерившимся ужасом возвращается к капитану, когда он видит, как ветер *выжимает* Рамона, выкручивает, словно мокрую простыню. Соки жизни, вместе с кровью и внутренним светом стекают вниз, где уже торопливо шарят, подхватывая на лету каждую каплю, тонкие длинные языки наргантинлэ. Лицо Рамона смазывается, руки мешаются с ребрами, ноги перекручиваются, одежда и сапоги вдавливаются в плоть, образуя с плотью единое месиво, а затем руки, выжимавшие Рамона, сходятся вместе, и все то, что оставалось от юноши, размазывается по воздуху.

Корабль взрывается, осколки улетают в темноту вслед за частями волшебного кокона, и люди умирают – один за другим. Когда взгляд обращается на Ноэса, тот больше не пытается кричать. Он теряет себя. Ветер проникает в его разум и забирает его память: капитан забывает, как надо кричать. Вместе с памятью ветер выпивает его внутренний свет, его душу – и вечная ночь опускается на его веки... *Там* ничего нет, и *там* нас ничего не ждет...

Там ничего не ждет тех, кого лишили души.

4

...Лия знала, что в центре острова, вблизи скал, в полосе тумана простирается долина. Там есть удивительное место – ровная площадка, окруженная древними каменными столбами. Колонны выщерблены временем, и многие давным-давно рухнули, сложившись на той площадке загадочным узором – нагромождением глыб и почти неповрежденных фрагментов. Каждый раз, когда Лия навещает это место, ей кажется, что узор – новый; но в глубине души она знает, что это не так. Просто это место слишком красиво, слишком печально и безмолвно, слишком притягательно для нее, вот она и видит его каждый раз по-разному и каждый раз находит здесь что-то новое. В прошлый раз она обнаружила, что некоторые столбы исперщлены странными витиеватыми письменами. Ей так и не удалось их прочитать, но, может быть, сегодня, она найдет новые, более понятные... Или, как она втайне надеялась, такие же непонятные – ведь если она сможет узнать, что здесь написано, это место разом потеряет значительную часть своего очарования.

На границе долины волки и олени, белки и вепри оставили ее и, посмотрев ей вслед, отступили в полосу тумана. Она знала, что так будет – так всегда было, когда она приходила в это место. Никто не входил в долину – никто, кроме нее самой. Это было *ее* место.

Но на этот раз она была здесь не одна. Как только туман поредел, она увидела незваного гостя, восседающего на лежащем, сохранившемся почти в целостности, обломке каменного столба. На том самом обломке, на котором она в прошлый раз обнаружила странные письмена! Незнакомец, глубоко погруженный в свои мысли, не видел ее.

Пришельца следовало выгнать – или по крайней мере поставить на место. Незванным приперся в ее долину, да еще уселся на ее каменном столбе! Лия была глубоко возмущена такой наглостью. Она решительно направилась к пришельцу – но, подойдя поближе, обнаружила, что от ее решимости не осталось и следа. Пришелец, что-то внимательно рассматривавший у себя под ногами, явно не замечал ее – а, может быть, просто не обращал внимания. Лия растерялась. Как прогнать отсюда незнакомца, какие слова употребить, чтобы усовестить его? Она не знала. Лия почти всю свою жизнь провела в замкнутом помещении, в стенах материнского дома, и постоянно общалась только с Элизой. Всем остальным людям за свою жизнь она вряд ли сказала больше ста слов. Она была напрочь лишена навыков базарной девки. Ну, казалось бы, что может быть проще: подойти, цыкнуть на пришельца, заорать: «Че расселся, дурак?! Твоя эта колонна, что ли?!..»

Лия так не могла. Не умела. Никто ее этому не учил. Кроме того, она начала сомневаться, что пришелец вообще сможет ее увидеть и услышать. Как правило, во время ее путешествий люди не видели ее... Ну, разве что дети, толком еще не научившиеся говорить. Правда, в своих путешествиях она редко была человеком: чаще всего она была светом или легчайшим морским бризом, любопытным взглядом, радостью, счастливым смехом... Нет, взрослые тоже иногда чувствовали ее – и тогда их настроение резко менялось, и беспричинная светлая радость входила в их сердца, разглаживая морщины и выпрямляя сгорбленные спины... Людям казалось, что их мир наполняется смыслом и внутренней красотой, что эти мгновения и есть та самая настоящая жизнь, ради которой они были рождены на этой земле – а дело всего-то было в Лие, которая, проходя мимо, случайно касалась их. Некоторые потом утверждали, что их коснулся их личный ангел-хранитель. Ха! Может быть, это и был ангел, но уж во всяком случае не «их личный».

На Безмолвном Острове Лия никогда не была светом или невесомым движением воздуха: входя в загадочный лес, населенный добрыми зверьми и мудрыми, но почему-то (а, может быть, именно поэтому) молчаливыми птицами, она становилась человеком, и человеком оставалась, входя в каменистую долину, лежащую в полосе тумана. Звери ее видели, но

звери, как и дети, замечали ее присутствие почти всегда, а вот этот человек, похоже, такой же слепой, как все остальные...

Интересно, а откуда он тут взялся?

– Здравствуйте, – неожиданно пробурчал незнакомец, не отрывая, впрочем, взгляда от носков своих сапог.

– Так вы меня видите? – слегка ошарашено спросила Лия.

Пришелец впервые посмотрел на нее. Прямо, почти минуту не отводя глаз – так, что не осталось никаких сомнений, что он и в самом деле действительно ее видит.

– А вы меня – нет? – съязвил юноша.

– Нет, ну почему же... – слегка сбита с толку, ответила Лия. – Я прекрасно вас вижу...

– Может быть, вы считаете себя печальным призраком? – продолжал незнакомец. – Неким печальным призраком некоего невинно убиенного человека? Говорите, не стесняйтесь.

– Вовсе нет... – только и смогла произнести Лия, ошеломленная наглостью пришельца. – А почему вы считаете, что...

– Потому, – прервал ее незнакомец, – что вы уже битых двадцать минут топчетесь на одном месте, пытаясь обратить на себя мое внимание – и при этом изо всех сил стараетесь это сделать так, чтобы я не подумал, что вам и в самом деле что-то от меня нужно. Так себя ведут только безмозглые призраки. Если вы не призрак, советую вам отказаться от подобной манеры поведения.

«Вот скотина, – подумала Лия. – Пришел на мое место, уселся на мою колонну, и вдобавок еще и хамит...»

Она хотела обидеться, но любопытство оказалось сильнее.

– А что вы здесь делаете? – спросила она.

– Сижу! – заговорщически произнес незнакомец. Он восторгался этим фактом так, как будто бы всю свою жизнь парил в воздухе, а теперь вдруг научился сидеть на камнях и повествовал об этом удивительном факте своему единственному слушателю. Становилось ясным, что он продолжает издеваться над ней. И даже не пытается это скрыть.

– Послушайте, – сказала Лия, запас терпения которой подошел к концу. – Если у вас плохое настроение, не стоит срывать зло на окружающих.

Человек спрыгнул с колонны. Провел рукой по лицу.

– Простите, – сказал он. – Простите. У меня и в самом деле плохое настроение. И, конечно, вы правы: не стоит портить его и другим тоже.

– У вас что-нибудь случилось? – спросила Лия, тут же забывая все суровые отповеди, которыми она собиралась пичкать незнакомца в ответ на его новые язвительные реплики – и так вести себя до тех пор, пока этот нахал не уберется из ее любимого места восвояси.

– Да, можно сказать, что и случилось... – вздохнул незнакомец. – Видите ли, в мире слишком много зла... И, наверное, время от времени каждый из нас ощущает себя неотъемлемой его частью, чудовищем или чем-нибудь в этом роде. И самое страшное состоит в том, что мы ошибаемся. Поскольку, будь мы правы, весь окружающий нас мир был бы правильным, нормальным и добрым, а это – увы и ах! – не соответствует истине. Если мы сами зло, то где-нибудь должно быть добро, понимаете? А если мы – не зло, и то, что мы делаем или чувствуем – нормально и вполне соответствует естественному порядку вещей, то добра нигде нет и быть не может... Вот, недавно один человек назвал меня дьяволом. А сам – прошу прощения, госпожа – такая сволочь, что... – незнакомец, не стал договаривать – только рукой махнул.

– А вы – не дьявол? – улыбнулась Лия.

– Нет, – снова вздохнул незнакомец. – К сожалению, я не дьявол... Ах да, совсем забыл представиться: Меранфоль. А вас как зовут, миледи?

– Лия.

– Очень приятно. А что вы делаете на этом острове – если это не секрет, конечно?

– Я здесь гуляю. Мне очень нравится это место. Здесь все такое... такое...

– «Необычное», вы хотели сказать? Ничего удивительного. А вы знаете, как называется этот остров?

– Да... то есть нет... А как?

– Остров Лжи. Или Остров Того, Чего Не Может Быть.

– Остров Лжи? – переспросила Лия (эти слова глубоко уязвили ее). – Но почему?..

– Здесь все не так, как на самом деле, – чуть пожал плечами незнакомец, как будто его принуждали объяснять вещи столь же простые, сколь и очевидные. – Вы не замечали, как мирно тут сосуществуют друг с другом животные? А ведь это неестественно для них. Ну хорошо, пусть будет мирное сосуществование. Но тогда у волка надо отнять зубы – зачем же ему клыки в этом безмятежном царстве гармонии? А затем надо будет убить этого волка, потому что беззубый волк – это уродство, извращение, надругательство над сутью этого зверя. Понимаете? Или позвольте волку охотиться, или убейте его. Но не надо превращать его в барана. Или в «благородного оленя»... Вот вы, – внезапно обратился к ней незнакомец. – Кем вы были там, в большом мире? Можете не отвечать. Кем бы вы ни были там, здесь вы – совсем другое существо. Скорее всего вы и есть, как мне показалось вначале, печальный призрак – только здесь вы ненадолго забыли о своей трагической роли... Не обижайтесь, пожалуйста, я не хотел вас оскорбить. Может быть, вы – настоятельница монастыря, которая никогда бы в своей настоящей жизни не оделась в такое красивое платье, какое сейчас на вас. А может быть, вы – маленькая девочка, которая спит и видит сон о том, чего с ней никогда не будет, об острове, который она никогда не посетит...

«Он почти угадал, – подумала Лия. – Только я не маленькая девочка и не настоятельница монастыря. Я слепая, а здесь я вижу. Там я даже не знала, как выглядят буквы, а здесь я сразу поняла, что это такое... Только вот прочесть надписи на столбах мне все равно не удалось... Зря я задала этому человеку вопрос о моем острове. Лучше бы он так и оставался – Безмолвным Островом... Да и звучит куда лучше».

Вслух она спросила у Меранфоля:

– Значит, вы тоже не такой, как на самом деле?

Молодой человек кивнул:

– Да. Только давайте не будем об этом, ладно? Я пришел сюда, чтобы забыть о себе – а может быть, чтобы в последний раз о себе вспомнить. Не знаю... За пределами острова... там все иначе. А здесь... здесь я такой, каким никогда не был и никогда не буду.

– Сочувствую.

– Да нет, не стоит.

Они помолчали. Видно было, что юношу не тяготит тишина. Он снова погрузился в свои мысли и – видимо, в такт этим невеселым мыслям – стал методично постукивать носком сапога по опрокинутой колонне. Но Лие хотелось поговорить. Ее заинтересовал этот меланхоличный молодой человек, ей захотелось узнать о нем побольше. Кроме того, она еще никогда в жизни ни с кем ни о чем похожем не говорила – она даже не подозревала, что окажется в состоянии следить за поворотами подобного безумного разговора, и даже время от времени вставлять свои собственные реплики. В обычной жизни у нее не хватило бы на это ни ума, ни решимости. И впрямь – Остров Того, Чего Не Может Быть.

– Вы здесь часто бываете? – спросила она у пришельца.

– Нет, нет... Теперь мы редко посещаем это место.

– «Мы»? – насторожилась Лия. Неужели здесь еще кто-то есть? Безмолвный Остров все больше и больше менялся в ее глазах. Он переставал быть *ее* островом. Он становился

островом каких-то незнакомых людей, которые время от времени приходят сюда, а потом уходят. Она начинала чувствовать себя лишней.

– Народ, к которому я принадлежу.

– А раньше вы здесь жили?

Юноша неопределенно пожал плечами.

– Можно сказать и так...

– А почему вы отсюда ушли? – помолчав немного, задала Лия следующий вопрос.

– Не знаю... Старшие говорят, что раньше тут все было совсем иначе. Нас было больше. Потом... Говорят, что на этом острове убили Отца Лжи – и с этого времени тут все стало таким, какое оно сейчас. Наш народ ушел отсюда... и все изменилось. Я не знаю – что; я ведь совсем молод. Отчасти я здесь из-за своего возраста: каждый из нас, когда вырастет, должен хотя бы один раз посетить это место. Я прихожу сюда уже в третий раз... Вы правы – это очень *странное* место.

– Ты – человек? – напрямик спросила Лия.

В тот же момент она пожалела о своем вопросе – в глазах незнакомца промелькнула боль.

– Нет... Я ведь просил вас – не надо спрашивать меня о том, кто я. Спрашивайте о чем угодно, задавайте любые вопросы – но только не об *этом*... Понимаете, – он, словно решившись на что-то, показал рукой в туман. – Там, в *настоящем мире*, меня нет. НЕТ. И если я буду думать об этом, то сойду с ума.

– Простите.

Она опустила глаза. Безумные разговоры больше не казались ей такими привлекательными.

Она наткнулась взглядом на завитушки, украшавшие поверхность рухнувшего каменного столба.

– Вы знаете, что здесь написано? – спросила она, показав рукой на завитушки. Спросила только для того, чтобы сменить тему разговора.

Молодой человек (*человек ли?* Но ведь *здесь* он был человеком!) мимоходом взглянул на таинственные надписи и снова повернулся к ней.

– Ничего.

Видя ее удивление, поспешил объяснить:

– Ничего осмысленного. Видимо, эти надписи возникли в те времена, когда Старшие еще только учились общаться с помощью слов. Это – нагромождение знаков, символов и букв из самых разных языков, не более того.

Лия еще раз взглянула на древние камни. Ничего удивительного в том, что она ничего не смогла понять...

– А кто такие Старшие?

– Старшие? – Молодой человек несколько растерялся. – Старшие... это Старшие. Самые древние из нас...

Спустя несколько секунд он добавил:

– ...И самые сильные. Они многое знают. Но они опасны. Чрезвычайно опасны.

– Чем же?

– Они могут убить – не потому что захотят вашей смерти, а случайно. Убить – и даже не заметить этого... Или увлекшись беседой с Младшим, забыть, и...

– И?

– И Младшего нет, – меланхолично произнес Меранфоль.

– Какой ужас... Хотелось бы мне посмотреть на этого вашего Старшего.

– Лучше не надо.

Лия вдруг вспомнила, кем она является там, за пределами двух островов обмана (этого, и второго, на котором она выросла): светом и хрустальным смехом, стремлением и радостью, и рассмеялась в ответ на благоразумное «лучше не надо».

– Не бойтесь за меня, – сказала она пришельцу.

Тот снова пожал плечами и отвернулся.

– Я не только за вас боюсь. Да и Старшие тут ни при чем. Просто... просто там все будет иначе, – в который раз повторил он.

Она не спросила – что именно «будет иначе»; прохладный морской ветер вдруг омыл ее кожу, взъерошил волосы и заставил оглядеться. Она увидела, что туман и развалины исчезли, а они с Меранфолем стоят на берегу моря, на краю Безмолвного Острова... Острова Лжи.

– А жаль, – тихо произнес он, прежде чем исчезнуть. – Жаль, что там все будет иначе. Жаль – потому что я уже почти полюбил вас.

5

«...Какой странный сон, – подумала Лия, просыпаясь. – Всего лишь сон... Только во сне незнакомый молодой человек может при первой же встрече сказать: знаешь, дорогая, а я вот тебя люблю... Впрочем, кто их знает, этих мужчин, – подумала она, переворачиваясь на другой бок и пытаясь уловить остатки сна. – Элиза говорит, что верить им нельзя ни на грош ни при каких обстоятельствах. Во сне, наверное, тоже...»

Сновидение не возвращалось, темнота по-прежнему окружала ее, и чем дольше Лия ворочалась в кровати, тем больше убеждалась, что пора вставать, одеваться и спускаться вниз. Удивительное путешествие закончилось, следовало возвращаться к повседневной жизни, и как-нибудь протянуть следующие полтора-два месяца: полтора-два месяца, разделившие те немногие часы, когда она жила настоящей жизнью.

Она проснулась окончательно и села на кровати. Прислушалась: внизу, по кухне, ходила Элиза, а это значило, что благодаря неизвестному чуду у них сегодня будет, что съесть на завтрак. Лия поискала рукой платье, оделась и вышла из комнаты. По-прежнему погруженная в мысли о *виденье*, она больно ударилась локтем о косяк двери, охнула и простояла почти минуту, растирая место ушиба. Затем она вышла из комнаты, привычным жестом нащупала перила и стала спускаться по лестнице.

Когда мать спросила ее о том, как она себя чувствует, Лия машинально сказала: «Мне хорошо», и лишь спустя несколько секунд вспомнила, почему Элизу так тревожит ее самочувствие. Ведь вчера, торопясь улизнуть из кухни, она назвалась больной... Лия чуть покраснела: она ненавидела врать Элизе, но иногда та просто не оставляла ей другого выхода. Садясь в кресло-качалку, она молилась Джордаису, чтобы Элиза не заметила ее смущения, и не пришлось снова врать, объясняя его причины. Очевидно, Господь услышал ее молитвы, потому что Элиза, увлеченная пересказом пикантных подробностей вчерашней свадьбы, ничего не заметила. Рассказ матери увлек Лию и заставил забыть о давешнем сне.

...Вечером Элиза вернулась из дома Кларина и принесла подарок – горшочек творога. Пользуясь тем, что Лия не видит, Элиза, как всегда, положила ей больше, чем себе, и с тихой радостью смотрела, как Лия ест, осторожно опуская ложку в деревянную миску, и неторопливо поднося ее затем ко рту. Когда Лия ела, то становилась похожей по меньшей мере на герцогиню. К сожалению, ее аристократические манеры были вызваны слепотой, а не обилием пищи или соответствующим воспитанием, но Элиза знавала слепых, которые поглощали пищу жадно, пачкая и себя, и все, что их окружало; Лия же всегда ела очень аккуратно. Никогда, даже в детстве, она не признавалась, что голодна. Она вообще была очень молчаливым и замкнутым ребенком. Элиза иногда подозревала, что если она вдруг перестанет кормить свою приемную дочь, то та так и будет сидеть в своем старом кресле, пока не умрет – но сама ничего не попросит. Эти мысли пугали Элизу, и оттого сильнее было ее удовольствие, когда она видела, как Лия ест. Это зрелище успокаивало Элизу и на короткое время приносило уверенность, что все в порядке и в будущем все будет хорошо.

За ужином они немного поговорили о том, что Элиза видела в доме Кларина, обсуждали невесту Гернута (выглядело это так: Лия задавала вопросы о ее внешности и манерах, а Элиза на них отвечала), и пришли к мнению, что лучше бы балы не отпускал Гернута, а приписал его к числу тех людей, которые были назначены, чтобы нести повинность у нового сеньора, графа Манскрена, на постройке его замка. Дело в том, что предыдущий владелец Леншаля, граф Эксферд, погиб несколько месяцев тому назад вместе со всей своей семьей от необъяснимого волшебства, и вместе с ним был разрушен его замок. Остров, за отсутствием близких родственников, отошел в собственность короля и вскоре был передан дворянину

Манскрену, который вместе с землей получил и графский титул. Новый замок он собирался построить в глубине острова, а не у побережья, что было неудивительно, ибо поговаривали, что колдовство, погубившее его предшественника, имело вид урагана чудовищной силы. Когда впервые стало известно о том, что произошло с Эксфердом Леншальским, Лия не могла понять реакции Элизы – та на несколько дней сделалась задумчива и молчалива. Казалось, что-то тревожит ее, тербит ее память, но что – Лия так и не узнала. Элиза не сказала ей. Лия лишь слышала, как иногда, почти неуловимо, меняется дыхание Элизы, и это почему-то беспокоило слепую девушку. Она не знала, что в эти мгновения Элиза смотрит прямо перед собой, но ничего не видит, а по морщинистым щекам старухи неслышно текут слезы...

6

...На чем мы остановились? Ах, да... Элиза поселилась в городе. Денег граф оставил ей достаточно, чтобы безбедно прожить год или даже больше. Кроме того, при ней остались все ее платья и драгоценности, подаренные Эксфердом – у того хватило ума не говорить прямо: «Кстати, захвати-ка с собой все свои вещи, дорогая», а просто распорядиться, чтобы все вещи Элизы были перевезены на ее новую квартиру. Этим он как бы делал ей приятный сюрприз: надо же, какой внимательный, обо всем позаботился!

В городе Элиза обратилась к лекарю (медная табличка над дверьми его дома гласила: «Магистр медицины, доктор Иеронимус Валонт»), и с неудовольствием обнаружила, что это мужчина лет двадцати семи – двадцати восьми, стремительнодвигающийся и часто улыбающийся... А она-то надеялась встретить солидного, пожилого врача! Тем не менее у нее хватило решимости четко и ясно объяснить, зачем она к нему пришла. Врач задал ей несколько вопросов, один из которых заставил Элизу покраснеть, и объяснил ей, в чем дело. Элиза была ошеломлена, но все же не настолько, чтобы уйти, не расплатившись – хотя платить, по большому счету, было не за что: Элиза отняла у молодого врача всего лишь три или четыре минуты его драгоценного времени. Но магистр медицины, доктор Иеронимус Валонт деньги взял, и сей факт послужил причиной тому, что впоследствии, вспомнив о его любви к деньгам, она снова к нему обратилась...

На улице ее едва не раздавил экипаж, и только это более-менее привело девушку в чувство. Дома, однако, мысли о будущем ребенке вернулись к ней с новой силой, и она целый день просидела в кресле, положив, сама того не замечая, руки на живот, и даже не спустилась вниз, когда ее позвали обедать. Тревога грызла ее сердце: она не представляла, как отнесется к этому событию граф. Не решит ли он, что она завела ребенка специально, чтобы покрепче привязать его к себе, или, на худой конец, выманить побольше денег? А может, он обрадуется? Элиза сильно в этом сомневалась. В последние две-три недели в их отношениях появился едва заметный холодок. Графа, похоже, такое положение вещей устраивало, а Элиза была слишком занята собой, чтобы изгнать это отчуждение. Она рассчитывала вылететь в городе от неизвестного недуга, и по возвращении в замок вернуть все на свои места, но теперь она горько себя за это корила. Теперь она страшилась неопределенности будущего, страшилась пут, которые наложит на нее младенец, страшилась судьбы покинутых женщин, которых бросали их женихи, мужья, возлюбленные. В ее деревне жила одна такая, и в детстве родители часто с презрением говорили о ней, указывая как пример развратной и неудавшейся жизни, а Элиза не могла понять, почему презрение в их голосах перемежается с едва скрываемым торжеством, как будто та девушка, Клара, была их заклятым врагом, и ее беду они воспринимали чуть ли не как свою личную победу. Элиза тогда еще была слишком мала, чтобы уразуметь всю убийственную силу *общественного мнения*, но когда родители после очередного нравоучения, в котором, в качестве отрицательного примера, упоминалась Клара, спрашивали Элизу: ты ведь не хочешь быть на нее похожа, правда? – Элиза послушно кивала и говорила: «Не хочу».

...Правильно, дочка, а теперь съешь тарелку этой вкусной каши, ты ведь послушная девочка, ты ведь не хочешь быть похожей на Клару, которая не слушалась своих родителей, и над которой сейчас все в деревне смеются, хотя вчера все завидовали, потому что она не боялась любить, и которую ненавидели и вчера и сегодня, но сегодня уже готовы снисходительно простить...

Ты ведь не хочешь для себя такой судьбы, Элиза?

Элиза не хотела. Вы можете спросить, почему же, в таком случае, она, еще до приезда графа, разводила шашни с Карэном? Но нравоучения – это одно, а потребности молодого

здорового тела – совсем другое. Все нравоучения остаются пустыми звуками до тех пор, пока на собственном опыте не убедишься в их обоснованности или, напротив, в отсутствии таковой.

Факт собственной беременности на длительное время выбил Элизу из колеи, и был миг, когда она возненавидела – тогда еще не самого ребенка, нет! – но свою женскую природу, неизбежность, с которой мужское семя в ее животе превращается в плод, плод растет, выжимая из нее все жизненные соки, чтобы потом в агонии родовых схваток покинуть ее тело, навсегда забрав с собой частицу ее жизни, ее молодость и красоту, но не успокоиться на этом, а беспрестанно требовать еще и еще – чистых пеленок, еды, ежеминутного внимания. Молодость и свобода, принесенные в жертву – и ради чего? Ради того, чтобы ее ребенок через двадцать лет обрюхатил бы какую-нибудь молоденькую дурочку?

Почему-то Элиза была уверена, что это будет мальчик.

На протяжении последующих дней Элиза занималась тем, что успокаивала себя – и преуспела в этом. Все совсем не так страшно, как ей кажется, она просто ужасная трусиха (*как пойманный зайчонок*), конечно же, Эксферд не бросит ее, он позаботится о ней и ребенке. Она навоображала себе всяких ужасов, а дело-то самое обычное. Может быть, граф, узнав о сыне, сочтет своим долгом *жениться* на ней. Конечно, это только фантазии, но... Ее сердце замирало, когда она думала об этом. Только надежды на скорое осуществление своей давней мечты и почти детская вера в этого сильного, мужественного, благородного, а главное – любящего ее человека, помешали ей уже тогда в срочном порядке начать изыскивать средства для того, чтобы *избавиться* от плода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.